

©2010 г. Дриленко В.В.

МОЛОДЕЖЬ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» 1953 – 1964 ГГ.

Освещаются перемены в государственной молодежной политике Советского государства в период «Оттепели» 1953 – 1964 гг. и их влияние на молодежный социум Хабаровского края. Сопоставляются общесоюзные и региональные тенденции взаимодействия власти и молодого поколения. Основу источниковой базы исследования составляют архивные материалы РГАНИ, РГАСПИ и ГАХК, а также опубликованные официальные документы и пресса.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, ВЛКСМ, демократизация, разномыслие, оппозиционность, хозяйственные и политические кампании, комсомольско-молодежные объекты.

Период политической «оттепели» 1953 – 1964 гг. принес в жизнь всех слоев населения Советского Союза немалые перемены. Серьезно изменилась и роль в жизни общества такой социально-демографической группы как молодежь. Да и сама она в середине 50-60-х гг. стала весьма непохожей на предшествующие советские поколения. Однако признание этого, казалось бы, очевидного факта в Отечественной науке состоялось далеко не сразу. Советская доперестроечная историография хотя и говорила о таких новых чертах молодежи «послесталинского» периода как большая общественная активность и самостоятельность [1, с. 339], но полностью отрицала саму возможность существенных различий между советскими поколениями. Поэтому впервые положения об утрате советскими молодыми людьми «оттепельного» периода тоталитарного единомыслия появились в эмигрантских изданиях, таких как труды мюнхенского Института по изучению СССР [2]. Сама постановка «поколенческого» вопроса в СССР однозначно классифицировалась как ненаучная, не отражающая реалий социалистического общества [3, с. 5]. И лишь в публикациях конца 1980-90-х гг. прошлого века исследователи – историки и социологи – убе-

дительно показали несостоятельность положений о монолитности общественного сознания молодежи, об отсутствии противоречий между ней и властью. Впервые это было отмечено в опубликованных в перестроечный период воспоминаниях руководителей комсомола того времени [4]. Еще до распада СССР и роспуска ВЛКСМ новые подходы были отражены в «больших», обобщающих работах [5]. В первой половине 1990-х гг. были предприняты первые попытки анализа оппозиционных настроений и деятельности среди молодежи «хрущевской» эпохи, а также репрессивной политики власти в отношении них [6, с. 97]. Позднее на материалах первых социологических исследований, архивных материалов были проведены комплексные исследования социального облика молодого поколения 1950-60-х гг. [7].

В этих и многих других публикациях исследователи пришли к выводам о формировании целого спектра мнений о сущности советского строя, «развернутом строительстве коммунизма», «культе личности и его последствиях» и других вопросах. Несовпадение ответов на них с «единственно верными» ответами КПСС объективно вело к противоречиям с ней со всеми вытекающими последствиями. В новейшей историографии прочно утвердилось положение, что во второй половине 50-х – начале 60-х гг. в молодежном социуме помимо горячих сторонников курса партии и правительства, с энтузиазмом принимающих участие в разного рода хозяйственных и политических кампаниях, росло (и составляло немалый процент) число людей, формально не отвергающих этот курс, но по существу далеких от пафоса социалистического строительства. Также именно в этот период появились группы молодежи, полностью отвергающие «реальный социализм», и в их среде постепенно зрели подлинно оппозиционные по отношению к власти силы [8]. Однако региональные аспекты этих перемен освещены еще недостаточно полно, что негативно сказывается и на понимании системы взаимоотношений власти и молодежи в целом.

Данная статья имеет своей задачей, в какой-то мере заполнить этот пробел. Перемены здесь, также как и по всей стране, начались 5 марта 1953 г., когда молодое поколение впервые столкнулось с проблемой самоопределения в связи с утратой единственного непререкаемого авторитета. Подавляющее большинство молодежи тогда испытало искреннюю горечь при известии

о смерти вождя. Пресса региона, в особенности молодежная, была засыпана письмами в редакцию со многими сотнями наивных стихов, клятвами о верности делу Сталина и партии [9, с. 380]. Резкий рост числа поданных заявлений о вступлении в партию и комсомол в марте 1953 г. [10] также немало говорит о том месте, которое занимала личность вождя в жизни молодых людей того времени. Верхний слой правящего аппарата в подобных условиях был просто вынужден сохранять видимость преемственности прежнему курсу. Личный авторитет И.В. Сталина вынуждал власти в первые годы после смерти диктатора все перемены во внутренней политике, в том числе и молодежной, маскировать под дальнейшее проведение прежней линии. Выступления вождя продолжали цитироваться на официальных комсомольских мероприятиях, его портреты висели в учебных заведениях, клубах и домах культуры еще несколько лет после его смерти [11, л. 15], биография Сталина продолжала изучаться членами ВЛКСМ и не состоящими в организации молодыми людьми в сети комсомольского просвещения [12, л. 35]. Но уже с лета 1953 г. становилось все более отчетливым стремление руководства страны пересмотреть традиционные взгляды на роль, которая была отведена молодежи в обществе. Так после событий, связанных с арестом Л.П. Берия и его помощников, на июньском Пленуме ЦК КПСС были приняты мероприятия, направленные на развитие демократии в деятельности партии и общественных организаций, таких как комсомол [13, с. 40]. На прошедших сразу после него пленумах комсомольских организаций Хабаровского края были приняты постановления о прекращении практики нерегулярности комсомольских мероприятий, единоличного принятия решений секретарями организаций и т.п. [14, л. 62]. Более того, в условиях криминогенной ситуации, сложившейся в регионе после амнистии 1953 г., руководство местных комсомольских организаций призвало молодежь помочь органам милиции в наведении порядка на улицах городов и поселков. Например, в Камчатской области (входившей до 1957 г. в Хабаровский край) этот призыв прозвучал еще в июне 1953 г. [15, л. 76], в то время как постановление ЦК ВЛКСМ о широкомасштабном участии комсомольцев и молодежи в этом деле было принято лишь год спустя [16, с. 3].

Прошедший в марте 1954 г. XII съезд ВЛКСМ закрепил тенденции демократизации внутри союза, повышения роли комсомольских ячеек в орга-

низации труда и быта молодых людей. Демократических изменений центр настойчиво требовал и от регионов. В данном ключе в главной молодежной газете страны – «Комсомольской правде» еще 13 октября 1953г. была опубликована резко критическая статья об особенностях деятельности хабаровских комсомольских организаций, в которых была распространена практика кооптации членов комсомольских комитетов, нарушений в ходе отчетно-выборных мероприятий и т.д. [17]. Местное партийное и комсомольское руководство было вынуждено более настойчиво внедрять демократические новации, плотнее заниматься вопросами быта, досуга и культуры молодежи. Эти новые подходы были восприняты молодежью региона с энтузиазмом. Ярким свидетельством тому был внушительный рост активности молодого поколения в общественной и хозяйственной сферах жизни. Например, энергичное его участие в охране общественного порядка и борьбе с возросшей преступностью. Как уже было отмечено выше, широко развевывалось движение инициативных групп, комсомольских патрулей, оперативных групп по наведению общественного порядка, «бригад содействия милиции», совершавших рейды по улицам и местам отдыха, проводящих «товарищеские мероприятия» с молодежью, возвращающейся из мест лишения свободы и т.д. К 1956 г. более 30 тыс. юношей и девушек принимали участие в подобных мероприятиях на постоянной или временной основе [18, л. 130]. А с весны 1954 г. молодежь края, как и всей страны, поехала на освоение местной – дальневосточной целины, расположенной главным образом в Еврейской Автономии, где были созданы 5 новых целинных совхозов. Причем их создание, производство необходимых строительных работ, организация переселения и трудоустройства находились в ведении организаций ВЛКСМ разного уровня [19, с. 135].

Однако многолетние традиции командного руководства молодежью и ограниченность первых демократических все еще мешали высвобождению инициативы молодого поколения. Идеи вышеупомянутых и других, таких как проведение в крае молодежных праздников в 1955 г., кампаний и мероприятий, «рождались» в недрах комсомольского или стоящего над ним партийного аппарата в качестве «адаптации» инициатив «центра» к местным условиям или попыток самостоятельно решить региональные проблемы, пользуясь выданной сверху «индальгенцией на самодеятельность». В тех

условиях это уже был шаг вперед по сравнению со сталинским временем. Но все же, подлинный взрыв инициативы и энтузиазма произошел в крае лишь после радикальных перемен, обозначенных XX-м съездом КПСС. В особенности после знакомства молодежи с положениями «секретного доклада», озвученного на нем. Текст его был заслушан первоначально в комсомольских ячейках в марте 1956 г., а затем на пленумах комсомольских организаций края в апреле была оглашена официальная позиция по вопросу о культе личности и его последствиях. Прения после прочтения не открывались. Но на пленумах к докладчикам поступали записки от приглашенных, основным лейтмотивом которых были вопросы «каким образом стали возможными такие явления?» и «почему соратники Сталина не поднимали вопрос о незаконных репрессиях при его жизни?», но докладчики сами не могли четко ответить на них.

Судя по воспоминаниям современников, первоначальную ситуацию в умах хабаровской молодежи после получения такой информации можно верно охарактеризовать такими словами, как недоумение и растерянность [20, с. 24]. В то же время в ходе ознакомления молодежи с положениями доклада никаких эксцессов не было замечено. Однако некоторое время спустя в молодежной среде получили широкое распространение негативные, с точки зрения властей, явления. «Среди молодежи появилось много неправильных толкований проводимой КПСС критики культа личности и его последствий», как резюмировал, например, Пленум бикинского горкома ВЛКСМ в марте 1957 г. Появились среди молодежи и те кто сомневался в верности обвинений Сталина в преступлениях недавнего прошлого и правильности критики культа его личности, как и те кто выступал против всего с ним связанного [21, л. 2]. Во многих районах края были отмечены случаи «демагогических выпадов», «неправильного понимания внешней и внутренней обстановки» [22, л. 25]. Заканчивались они изгнанием из комсомола и/или работы/учебы. Например, в 1957 г. из Хабаровского педагогического института был изгнан студент Овсеенко [23, л. 11], в Комсомольске-на-Амуре из педагогического института был исключен из комсомола студент Киевский [24, л. 200], исключен из комсомола и уволен с работы учитель Гречук из средней школы поселка Чегдомын [25, л. 41] и др. Если дело доходило до реальной пропаганды, организации оппозиционных групп (хотя бы состоя-

щих из двух человек), то имели место и приговоры суда. В 1958 г. за создание подпольной организации, ставящей своей целью антисоветскую агитацию, были осуждены электросварщик Кобляев и заместитель начальника геологической партии Кравко [26, с. 334]. Тогда же получил срок и камчатский моряк Семенов, писавший «антисоветские» рассказы и знакомивший с ними своих знакомых [26, с. 285]. Но все же, оппозиционная деятельность и скрупулезное переосмысление действительности были уделом единиц. Значительная часть молодежи, даже усомнившись в верности курса партии, в силу невысокой политической культуры, образовательного уровня или боязни репрессии была далека от противодействия властям. Но на почве утраты веры в доселе непререкаемые авторитеты в молодежной среде ширились различного рода слухи, отражающие нигилистическое отношение к прошлому и настоящему страны (например, о руководителе «Молодой гвардии» О. Кошевом, который якобы выжил и служит американскому империализму) [27, л. 34]. Получили, как это отмечал крайком ВЛКСМ, более широкое распространение и такие «вредные» явления, как стилиажничество, прослушивание западных радиостанций. Тем более что количество антисоветских радиостанций, охватывающих своим вещанием Дальний Восток, за период «славного десятилетия» возросло в несколько раз [28, л. 25].

Подобные факты болезненно воспринимались в комсомольских органах – ответственных за состояние в молодежной среде. Но опираясь на постановления ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомольских организаций в связи с решениями XX съезда КПСС» (апрель 1956 г.) [29, с. 50-65] и в особенности «Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди комсомольцев и молодежи» (февраль 1957 г.) [30, с. 87-89], они, преодолев первоначальную растерянность, вернулись на «позиции непримиримости к чуждой идеологии и буржуазным пережиткам». Например, в резолюции III пленума Обкома ВЛКСМ ЕАО, состоявшегося в конце апреля 1956-го года, значилось: «усилить контроль над качеством и идейным содержанием политических информационных, проводимых студентами, за выпуском стенных газет» и т.д. [31, л. 117]. В антисталинский курс было внесено множество оговорок. Так, на комсомольской конференции в городе Советская Гавань 1-й секретарь горкома заявлял, что нельзя отделять сталинизм от ленинизма, что никто после Ленина не сделал для развития марксизма

больше чем Сталин [32, л. 7]. Но сомнение, родившееся в молодых умах, уже нельзя было уничтожить только репрессиями и оговорками «с одной стороны, с другой стороны». Тем более что к репрессиям уже относились с недоверием и «в верхах». «Сейчас допускается кое-где грубое администрирование в воспитательной работе <...>, начинают приклеивать ярлыки, вышибать из комсомола. Студенту 18 лет, – какой же это антисоветский элемент» – говорил по этому поводу 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин [33, л. 89]. Фрондирующим настроениям комсомольские органы были вынуждены противостоять новыми методами – перестройкой пропаганды в соответствии с новыми реалиями. Согласуясь с решениями того же V Пленума ЦК ВЛКСМ, Хабаровский крайком ВЛКСМ в мае 1956 г. призывал штатных агитаторов значительно разнообразить свою работу [34, л. 31]. В практику вошли молодежные диспуты, а краткие информации и сообщения потеснили длинные скучные лекции. В сети комсомольского просвещения появились новые кружки, в том числе с молодежной проблематикой – по истории и деятельности комсомола. Уже в 1956/57 учебном году их количество равнялось 40, а к 1962 г. оно достигло 179 [35, л. 5]. Пропаганде была поставлена задача: преодолеть практику работы лишь с членами ВЛКСМ, расширить агитацию среди несоюзной молодежи.

Власть была вынуждена более чутко прислушиваться к запросам молодежи, предоставить ей возможность самостоятельно решать многие проблемы быта, учебы, хозяйственной деятельности. Так было с проведением краевых этапов Всесоюзного молодежного фестиваля, проходившего в 1956–1957 гг. в преддверии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Они находились исключительно в ведении комсомольских организаций. Партийные и государственные органы края вели лишь разъяснительную работу с населением и финансировали проведение мероприятий [36, л. 131]. Но разбухшая инициатива молодых под влиянием провозглашаемых демократических перемен не могла оставаться в строго отведенных ей рамках. Молодежь стремилась самостоятельно решать вопросы хозяйственного и социального развития, местная власть зачастую не поспевала за ней. Например, знаменитое на весь Дальний Восток строительство комсомольско-молодежного объекта – рудника и поселка Солнечный, началось с обращения группы молодых рабочих и специалистов поселка Хинганск к руководству хабаровского совнархоза. Не

найдя поддержки у него и у краевых комсомольских органов, инженер Цевелев от имени своего коллектива обратился с такой просьбой в конце 1957 г. к первому секретарю ВЛКСМ Шелепину. И уже после получения «приветственного» послания из ЦК крайком комсомола добился того, чтобы эта стройка все же стала комсомольско-молодежной [37, Л. 24 - 27]. Уже в июле 1958 г. 900 молодых людей края по комсомольским путевкам отправились на строительство. И подобные факты отнюдь были не единичными.

Немалый энтузиазм проявила она и в прославленном тогда «движении бригад коммунистического труда». Уже в декабре 1958 г. из 100 вступивших в соревнование коллективов более 70 было комсомольско-молодежными [38, л. 251-252]. Местное руководство приложило немало сил к возможно большему распространению этого движения. И к середине 1960 г. количество бригад, участвующих в соревновании, равнялось 1680 во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства по краю, что составляло более 60 % от всех молодежных коллективов [39, л. 9]. Активное участие принимало большинство юношей и девушек края в рационализаторском и «гагановском» движениях, организовывало штабы «комсомольского прожектора» и т.д. Хабаровская молодежь сама стала зачинательницей патриотических трудовых движений. Например, походов комсомольцев – школьников и пионеров за сбором грибов и дикоросов [40, с. 266] и организации студенческих и рабочих путинных отрядов – предшественников Студенческих Строительных отрядов в крае [41, л. 66]. Однако за внушительным ростом числа комсомольскихстроек и массовости кампаний становились все более заметными и многие оборотные их стороны. В том числе стремление руководства «выехать» на энтузиазме масс, поверхностность многих изменений в обществе, выдаваемых за «зримые черты коммунизма», отсутствие этих черт в отношении многих руководителей к «рядовому строителю коммунизма» и т.д. Организация, например, краевого конкурса рационализаторов сводилась к призывам внедрять новшества и сбору статистических данных от технических отделов предприятий, по которым определялись и награждались добившиеся наибольших успехов молодые люди. Невыполнение повышенных «социалистических обязательств» при выполнении и тем более перевыполнении производственных заданий зачастую просто оставалось без внимания. Зачастую руководству важны были не столько качественный рост труда молодых

патриотов и даже не растущие количественные показатели, сколько арифметическое превосходство более поздних данных над более ранними, видимое в отчете вышестоящими инстанциями. Нельзя сказать, что подобные факты нигде не упоминались. Напротив! Вопросы бюрократизма поднимались даже на уровне Пленумов крайкома ВЛКСМ [42, л. 26-29]. Но глубоких изменений не происходило прежде всего потому, что вся бюрократическая система собственно и была построена на отчетах о выполнениях и перевыполнениях планов. В итоге одновременно с бурным ростом числа участников движений «за коммунистический труд», комсомольского контроля («Отряды «легкой кавалерии» и «Комсомольского прожектора») плохо росли уровень механизации труда и качество изготавливаемой продукции. Тем более что эти контрольные органы имели возможность сигнализировать о недостатках, но не эффективно бороться с ними. С возрастанием роли молодежи в строительстве росла и роль всевозможных комсомольских комитетов и, в конечном счете, секретарей комсомольских организаций. Они, будучи практически неподконтрольными рядовым членам занятыми обсуждениями «больших» вопросов с руководством предприятий, отрывались от нужд молодежи, переставали выражать ее интересы. Показательна судьба двух первых секретарей хабаровской комсомолии. Н.В. Михайлюк был неоднократно уличен в пьянстве и сексуальных домогательствах к женщинам, за что с большим скандалом был снят с должности в мае 1961 г. [43, л. 14], а его преемник А.М. Кусков отстранен в январе 1965 г. с формулировкой «за неправильное поведение и нарушение финансовой дисциплины» [44, л. 2].

Подобные примеры, а также ухудшение качества жизни, в частности перебои с поставками самых важных продуктов вначале 60-х гг. на фоне засилья лозунгов о строительстве коммунизма объективно вели к общему снижению общественного энтузиазма среди молодежи. Заметно возросло количество молодых рабочих, систематически не выполняющих норм выработки, количество мелких преступлений также имело тенденцию к росту [45, л. 18]. А вместе с ростом информированности о жизни в других странах через тогда еще плохо заглушаемые радиоголоса «оттуда», через посещающих край иностранцев (к примеру, в 1962 -1963 гг. Хабаровский край посетило уже 3200 интуристов [46, л. 134]) и постепенно растущее число поездок самих молодых людей за рубеж заметно таяло позитивное восприятие молодежью ини-

циатив власти. Прimitивная же пропаганда достижений социализма и ужасов капитализма только подливала масло в огонь. В итоге «крамольные» настроения в молодежной среде, несколько поутихшие в 1959–1961 гг., вновь начали проявляться. Постоянно муссировавшаяся в средствах массовой информации свобода обсуждений общественных недостатков и открытая после XXII съезда КПСС критика Сталина и сталинизма привели к тому, что некоторые молодые люди пытались прямо высказывать свое недоверие к коммунистическим лозунгам. Причем имела место не только критика «деформаций социализма» с марксистских позиций, но и полное его отрицание. Чаще всего такие случаи встречались в институтах, где дискуссии на заданную тему, организованные комсомольскими организациями, выходили за указанные рамки. Например, студенты Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта Коровин и Лобок неоднократно заявляли о невозможности построения коммунизма [47, л. 135]. И если до определенного момента руководство институтов и институтских комсомольских организаций не вмешивалось в эти дискуссии, то после резко негативной оценки пассивного отношения к подобным «явлениям», прозвучавшем из уст самого первого секретаря ЦК ВЛКСМ на Пленуме Хабаровского крайкома комсомола 11 октября 1962 г., ситуация изменилась кардинально. Комитетам ВЛКСМ и самой молодежи было четко указано «не давать охаивать нашу Родину, Партию и прекрасную действительность». Но общественное порицание не останавливало многих молодых людей, которые, не утратив веры в возможность изменить жизнь к лучшему, обращались с письмами в редакции местных и центральных изданий, руководству партии и комсомола, пытаясь донести до них правду жизни [47, л. 25]. Другие писали о своем неприятии шумных кампаний того времени, нежелании соответствовать навязываемому образу «молодого строителя коммунизма». Порой даже на страницах главной комсомольской газеты края – «Молодой Дальневосточник» разворачивались дискуссии по этому поводу. Например, в начале 1964 г. некоторые молодые люди откровенно писали о том, что личный материальный достаток для них гораздо важнее всех трудовых свершений на благо общества [48].

В начале 1960-х гг. имел место рост оппозиционных настроений в стране в целом. В 1962 г., согласно записке главы КГБ в ЦК КПСС, было вскрыто 60 локальных антисоветских групп, в которые входило 215 человек, причем

большинство из них составляли молодые люди [49, л. 3]. В том же году в г. Комсомольск-на-Амуре возник «Союз нанайской молодежи», созданный молодыми нанайцами, проживавшими в городе и его окрестностях, для защиты интересов представителей этой коренной народности. Сам факт создания на учредительном (и единственном) съезде, на котором присутствовало 25 человек, такого рода организации с продуманной структурой и членскими взносами говорит о многом [50, л. 159]. О многом и прежде всего об отмирании коммунистических иллюзий также говорит распространение в городах стиляжничества и аполитичности среди молодежи, появление первых попыток бежать из страны или достать западные вещи через туристов или моряков, бывающих за рубежом [50, л. 157]. Подобные факты и явления указывают на то, что и в среде хабаровской молодежи, как и их сверстников в других регионах, вызревали противоречия с властью, которая, с одной стороны, в период «Оттепели» пошла на демократизацию молодежной политики, предоставление молодежи большего пространства для самостоятельности, но с другой – не допускала идейного разномыслия с собой. Разбуженные демократизацией 50-х гг. юношеская инициатива, самостоятельность и свободомыслие предсказуемо привели не только к росту энтузиазма в выполнении задач «социалистического и коммунистического строительства», указанных властью. Молодежь региона сама выступала в качестве инициатора трудовых и общественных починов, заметно повлиявших на развитие экономики региона, улучшение культурного и бытового положения жителей. В то же время демократизация внутрикомсомольской жизни, появление молодежныхстроек и органов контроля производственных процессов не могли привести к качественным изменениям самой бюрократической политической и хозяйственной системы власти. Власть строго дозировала пределы влияния молодежи на жизнь региона. И если в решении вопросов хозяйственного развития она могла в отдельных случаях и уступить, то в вопросах противодействия инакомыслию была непреклонна. Конечно же, вследствие удаленности от культурных центров страны, невысокого процента образованной молодежи (даже в комсомолии края к началу 1964 г. имевшие только начальное образование составляли 19 % [51, л. 1]), увеличения числа «профилактических мероприятий» и других причин сознательная оппозиционность не получила широкого распространения. Однако организованная самой властью критика

культы личности и его проявлений в прошлом, показавшая то, что она может быть неправой, вызвало широкое «брожение» в молодых умах на далекой окраине. Усиленное внедрение идеологемы о скором построении коммунизма, а также действительно масштабные позитивные изменения в крае на время притормозили распространение критических настроений. Но вначале 1960-х гг. они вновь усилились. В итоге к концу «оттепели» в Хабаровском крае сложился целый спектр вариантов отношения молодежи к власти. От однозначного принятия всех ее инициатив, через нейтрально-спокойное к ним отношение и неосознанное отторжение, до осознанной оппозиционности. Во многом этот процесс повторял общесоюзные тенденции, но протекал несколько медленнее, чем в крупнейших научных и культурных центрах. Однако процесс разложения тотального единообразия мышления и коммунистических иллюзий начался и сделал первые успехи. В чем, на наш взгляд, был основной итог «оттепели» для молодежи Хабаровского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славный путь ленинского комсомола. Т. 2. М., 1974.
2. Молодежь Советского Союза. № 38 – 39 (166 – 167) // XIV Конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 5 – 6 ноября 1962 г.) Мюнхен, 1962.
3. Пленум ЦК КПСС. Июнь 1963 г.: Стеногр. Отчет / ЦК КПСС. М., 1963.
4. Еремин Ю.В. Юношеский изоляционизм – оружие антикоммунизма. М., 1976.
5. Месяцев Н.Н. Пробуждение (Комсомол второй половины 50-х гг.) // Позывные истории. Вып. 9. М., 1999.
6. Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины). Ч. 2. Саратов, 1991.
7. Соколов В.И. Молодежное движение в России: история, современность, перспективы и проблемы. Ч. 2. Рязань, 1994 г.
8. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М, 2001.

9. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР 1940 – 1960-е гг. М., 2008.
10. ХККМ. КП 5636-20
11. Молодой Дальневосточник. 22 марта 1953 г., № 58 (3909).
12. РГАНИ Ф. 5. Оп. 37. Д. 97.
13. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 46.
14. Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины) – М.: Молодая гвардия, 1958.
15. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 4.
16. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 44.
17. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ). М., 1958.
18. Комсомольская правда. 13 октября 1953.
19. ГАХК Ф. 35. Оп. 71. Д. 51.
20. Дриленко В.В. Привлечение молодежи к решению вопросов хозяйственного освоения территории Хабаровского края в 1953–1958 гг. // VI Гродековские чтения. Т.2. Хабаровск.
21. Материалы краевой научно-практической конференции «Комсомол и молодежь. История, современность, традиции». Хабаровск, 1999.
22. ГАХК Ф. 536. Оп. 1. Д. 109.
23. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 9.
24. ГАХК Ф. 529. Оп. 1. Д. 123.
25. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 21.
26. ГАХК Ф. 727. Оп. 1. Д. 88.
27. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005.
28. ГАХК Ф. 727. Оп. 1. Д. 85.
29. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 9.
30. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ). М., 1958.
31. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 112.

32. ГАХК Ф. 1242. Оп. 1. Д. 47.
33. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 2. Д. 357.
34. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 104.
35. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 138.
36. ГАХК Ф. 35. Оп. 71. Д. 89.
37. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 16.
38. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 4.
39. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 69.
40. Хабаровский комсомол в документах и иллюстрациях. Хабаровск, 1978.
41. РГАСПИ Ф.М-1. Оп. 5. Д. 987.
42. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
43. РГАСПИ Ф.М-1. Оп. 3. Д. 1052.
44. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 134.
45. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 117.
46. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
47. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 117.
48. Молодой Дальневосточник № 3 (6373), 4 января 1964 г.
49. РГАНИ Ф. 89. Оп. 6. Д. 21.
50. ГАХК. Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
51. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 123.

*Дальневосточный государственный
гуманитарный университет*

17 марта 2010 г.